Письма из Нечерноземья

1. ДЕРЕВНЯ ЛЮБАНЬ, ПЯТЫЙ ЭТАЖ...

Илья ФОНЯКОВ

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР» — историческая веха в развитии края, занимающего особое место в истории нашей Родины. Здесь, на земле, где стоит памятник «Тысячелетие России», на земле, тысячами нитей связанной с судьбами русской культуры и литературы, с именами Радищева и Пушкина, — здесь намечена и приводится в действие широкая народнохозяйственная программа подъема сельского производства, преобразования и расцвета всей сельской жизни. Для ее реализации в 1976—1980 годах выделяется тридцать пять миллиардов рублей! Масштаб дела сопоставим с тем размахом, с которым страна поднимала целину.

О первых шагах по осуществлению важнейшего постановления партии и правительства, о заботах и думах людей сегодняшнего Нечерноземья рассказывают письма писателя Ильи Фонякова, первое из которых мы публикуем сегодня.

СНАЧАЛА мне показали эту деревню на фотографии в институте «Ленгражданпроект», на Фонтанке. Светлые, залитые солнцем фасады стандартных пятиэтажных домов. Это вполне могло быть уголком одного из городских жилмассивов — в Ленинграде или Москве, в Белгороде или Пскове.

Позднее мне довелось побывать во многих таких деревнях. Да, уже во многих: здесь, в Ленинградской области, они не редкость. Из окон верхних этажей видно далеко-далеко: луга, перелески, голубые лекала небольших речек, рыжие поля с куполообразными копнами соломы, оставшимися после комбайна, синий бензиновый дымок над игрушечно маленьким трактором.

Запомнилась и такая картина: по одну сторону неглубокого ложка — низкие деревянные домики под шиферными и тесовыми крышами, с огородами и колодцами, по другую — многоэтажный жилой массив. Встреча города с деревней. Только, вопреки ожидаемому, бревенчатое одноэтажие — это как раз город. Город Любань Тосненского района Ленинградской области. А пятиэтажные великаны — деревня: жилой поселок совхоза, который называется «Любань». По ложку проходит граница территорий, подведомственных городскому и сельскому Советам.

— Построили в совхозе баню, — сказал председатель сельсовета Феликс Константинович Беляев, — так вы знаете, кто ею в основном пользуется? Горожане! У рабочих-то совхоза в большинстве ванны...

И тут же добавил без видимой внешней связи:

— А на днях мы «закрыли» одну деревню — Тухань. Приняли решение вычеркнуть ее из списка населенных пунктов. Последние жители перебрались в новый поселок. Старая была деревня, бесперспективная...

...Это — Нечерноземье с характерной для него полярностью явлений. Сложная земля. Трудная земля. И бесконечно, до боли, дорогая, ибо огромна роль ее в судьбах нашей Родины и ее культуры.

КОГДА-ТО, студентами, мы выезжали сюда на летние стройки. Тогда — не в упрек нынешним ребятам — не было и речи о каких-то заработках. Не было в помине романтической униформы. Иные были годы — трудные, послевоенные; помню колхоз, в котором на трудодень приходилось по двести граммов гороху. Мы, в большинстве своем горожане, строили маленькие межколхозные электростанции, коровники и конюшни. И глядели, глядели во все глаза, открывая для себя жизнь, существенно отличающуюся от музыкальных цветных кинофильмов. Это была хорошая школа, ибо созерцание не было праздным. Перестали казаться скучными «сельскохозяйственные» полосы областных газет: мы научились читать их, научились давать по-юношески резкие отповеди тем, кто в своем отношении к сельской проблематике недалеко ушел от Мирры Лохвицкой, с очаровательным простодушием выговаривавшей Бунину за то, что он пишет про мужиков: «Пусть себе живут и пашут, нам-то что до них?».

Годы прошли. Давно канули в прошлое поразившие нас тогда «двести граммов гороху»: сегодняшний порховский или гатчинский крестьянин выбирает в раймаге костюм подороже. И все же до последнего времени было ощущение, что многие возможности этого края остаются нереализованными. И недаром все, с кем мне приходилось беседовать в недавней поездке, воспринимают как необходимую и самую своевременную акцию постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР».

Тридцать пять миллиардов рублей государственных ассигнований на 1976—1980 годы! Триста восемьдесят тысяч тракторов, девяносто четыре тысячи комбайнов, двести тридцать тысяч автомашин для колхозов и совхозов Нечерноземья... Гигантский объем мелиоративных работ, известкование кислых почв на двадцати трех миллионах гектаров. Свыше двадцати пяти тысяч километров автомобильных дорог с твердым покрытием.

Дело предстоит не менее сложное, чем целина, чем Красноярская и Братская ГЭС. И люди отдают себе в этом отчет, в беседах преобладает интонация деловитой озабоченности. Это — не от сомнения в собственных силах. Это — от зрелого опыта, говорящего, что любое постановление — лишь начало, что деньги сами не работают, что миллионами и миллиардами надо еще суметь распорядиться так, чтобы дали они должный эффект.

«Определена большая программа по преобразованию сел и деревень в благоустроенные поселки совхозов и колхозов, строительству общеобразовательных школ, интернатов, детских дошкольных учреждений, домов культуры, клубов, больниц, комбинатов бытового обслуживания и других культурно-бытовых объектов», — говорится в постановлении. Из 143 тысяч сельских населенных пунктов нечерноземной зоны выделено 29 тысяч перспективных, из них в свою очередь выбираются наиболее перспективные, первоочередные. Какими должны они быть, эти первоочередные? Что такое, в частности, наш пятиэтажный поселок, издалека видимый на равнинном просторе? Маяк? Или причуда века, искусственное перенесение городских форм жизни в иную обстановку?

ОБ ЭТОМ спорят уже давно. Каким быть сельскому дому? Помнится, была и в «ЛГ» дискуссия на эту тему. Некоторые аргументы прозвучали довольно убедительно. Стоит ли, в самом деле, превращать деревню в «ухудшенный» город, по выражению одного публициста? Ведь по многим статьям город ей все равно не догнать, а значительная часть исконных деревенских прелестей неизбежно будет утрачена. Не лучше ли развивать и улучшать деревню именно как деревню — с березкой у родного крыльца, с начинающимися прямо от порога росистыми тропинками, с подсолнухом, глядящим через плетень? Не оторвется ли душой от земли сельский житель, вознесенный на верхние этажи коммунального небоскреба? Какой смысл жить в деревне, если нет ежедневной кружки парного молока, свежего, только с грядки огурца к столу?

Да простится мне, что, вольно или невольно, у меня выдвигается на первый план эта проблема: облик села, быт, узко говоря — жилье. Мы привыкли к иному «порядку слагаемых». Но, может быть, не вечен он, этот порядок? Вот ведь печатает «Наш современник» великолепную статью Юрия Черниченко «Человек на машине», в которой идет разговор о наших тракторах и комбайнах не с точки зрения их мощности, производительности, проходимости и других технических характеристик, а совсем в ином плане: насколько удобно работать на них трактористу и комбайнеру. И, помимо аспекта чисто гуманитарного, здесь очевидны заботы самые практические: будет человеку на машине хорошо, сможет он приходить на работу в чистом костюме, как горожанин, — и дело пойдет лучше, и не станут, как сейчас, уходить с комбайнов и тракторов квалифицированные и сметливые, знающие себе цену люди!

Примерно так же обстоит дело и с бытом.

В Ленинградском университете, при одной из кафедр географического факультета, работает группа демографов, давно уже изучающая на договорных началах проблемы Нечерноземья. Я беседовал с одним из руководителей этой работы, кандидатом экономических наук В. Б. Табачниковым, и каюсь: при всей серьезности, а порой и тревожности наблюдений ученых, некое чувство цеховой гордости шевелилось в моей душе — что ни говори, а все те явления, которые они констатируют сейчас, опираясь на огромный фактический материал, обработанный с помощью электронной техники, давно уже были замечены нашей публицистикой, поэзией, прозой. В том числе и такая проблема, которая на языке науки называется «ухудшением половозрастной структуры населения Нечерноземья», а состоит, проще говоря, в том, что во многих хозяйствах молодежь не задерживается.

Разумеется, одно дело — наблюдение художника, с которым можно и поспорить относительно избранной им «точки съемки», другое — научный вывод, основанный на объективном анализе многочисленных цифр и фактов. Так что ценность работы ученых-демографов никак не должна быть поставлена под сомнение. Какие же рекомендации выдвигают они? На первом (подчеркиваю: на первом!) месте — «мероприятия по сселению сельского населения в небольшое количество перспективных населенных пунктов, имеющих наилучшие потенциалы развития...». Оставим в стороне стилистику («сселение — населения — населенных») и отметим опять-таки характерный «порядок слагаемых». Знамение времени: на первое место сами собой выдвигаются социальные проблемы.

ПОДНИМАЮСЬ по лестнице. Встречный мальчишка вежливо поздоровался с незнакомым человеком: добрая сельская традиция!

В квартире звеньевого-картофелевода совхоза «Ушаки» Виктора Александровича Захарова — копированный городской уют, сверкающая белизной кухня, плита со счетчиком времени.

— Раньше-то мы в деревянном доме жили, барачного типа, — рассказывает хозяйка, Валентина Капитоновна, работница тепличного хозяйства совхоза. — Жили, как заведено в деревне: огород, поросенка держали. И не то чтобы уж так материально было необходимо: традиция! Никуда не уйти, не уехать ни на один день. Теперь уж и не вспоминаю, как тогда жили: привыкли к новой квартире. Отработал день — и сам себе хозяин. Молоко? Так в совхозе, в магазине покупаем, дело надежное, перебоев не бывает. Картошка, правда, своя, отвели нам участок в поле, сажаем. И то больше по привычке. Не было бы своей — тоже всегда в совхозе купить можно.

— Привыкли, — вторит хозяйка другой квартиры, Валентина Михайловна Барышникова, тоже тепличница. — О печке, о дровах никакой заботы. Вот, правда, зимой, когда сильные ветры дуют, бывает холодновато...

Справедливое замечание. Пятиэтажные дома на центральной усадьбе «Ушаков» построены по городским проектам, перенесенным в сельские условия без всяких изменений. Между тем в городе дома стоят все-таки толпой, прикрывая и грея друг друга. А тут — иное дело.

Еще и еще квартиры. Очень разные. В одних — «супергородская» обстановка, в других — традиционные сельские сундучки и половички. Но везде — безоговорочное принятие новых условий жизни, ни единого вздоха по поводу парного молока или зеленого лука прямо с грядки. А когда заговариваешь об этом, в ответ улыбаются снисходительно.

Три пятиэтажных дома — два заселенных и один строящийся — на площадке будущего поселка Сельцо совхоза «Агротехника» вызывали особенный интерес. Дело в том, что еще в Ленинграде, в мастерской «Ленгражданпроекта», мне показали этот поселок в целом — фотографию с макета. Проект одержал победу на конкурсе, он создавался специально для села, с учетом уже имеющегося опыта. Архитектор Владимир Евгеньевич Эльсгольц припомнил дискуссии, кипевшие в последние годы среди работников сельского хозяйства: были сторонники двухэтажной застройки, многие высказывались за три-четыре этажа. Показательно, что с течением времени точка зрения «производственников» сдвигалась в сторону большей этажности. Даже руководители одного из совхозов, в свое время выступавшие в печати против «небоскребов в поселке», в конце концов оказались «за небоскребы». Это и понятно: компактная многоэтажная застройка дает возможность обеспечить максимальный комфорт, не растягивая коммуникаций. Перед тем как проектировать Сельцо, поехали в совхоз «Гомонтово» Волосовского района, в ту самую деревню Бегуницы, где уже несколько лет эксплуатировались многоэтажные дома, выслушали их обитателей. Против ожидания, сельчане, даже те, кто постарше, не проявили особой озабоченности по поводу огородов и стойл для домашнего скота. Посоветовали расширить кухню, сделать побольше встроенных шкафов, один из них — холодильный зимний «пассивный» холодильник. И еще — о чем сами проектировщики никогда бы, возможно, не подумали — сказали, что надо предусмотреть кладовую с вентиляцией для сушки одежды: сельский житель работает большей частью на открытом воздухе, причем в любую погоду.

Все пожелания учтены в экспериментальном проекте.

— В том числе и наши, конечно, — это говорит уже секретарь парткома «Агротехники» Алексей Константинович Александров. — В частности, нам принадлежит идея построить в центре будущего поселка двенадцатиэтажный дом молодежи гостиничного типа. Мы ведь рассчитываем широко привлекать в свой совхоз молодежь: вчерашних школьников, выпускников сельских производственно-технических училищ.

Как и в «Ушаках», новые дома в основном населяют совхозные «производственники». Тракторист Валентин Могила и его юная супруга высказываются решительно:

— Рады, что живем здесь. Все нравится. И никуда не уедем: ни в другой совхоз, ни в город. В городе мы такую квартиру сколько бы ждали, прикиньте? А сюда мы в сентябре прошлого года приехали, два месяца пожили в деревянном доме — и получили ключи...

Читатель здесь может спросить: «Ну, хорошо, людям нравится, а как же все-таки быть с огородами, буренками — побоку их? А чем кормиться будем?» Это другая сторона проблемы, и о ней речь еще впереди. А пока что послушаем, как комментирует секретарь парткома «Агротехники» мнения новоселов.

— Я убежден, — говорит Александров, — что нечерноземная деревня должна быть в принципе в будущем именно такой, и только такой, — многоэтажной. Только так мы сможем на равных соревноваться с городом. Заметьте: мы еще только начинали строить новый поселок, а в совхозе практически прекратилась текучесть кадров. Наоборот, растем, и нам идут люди...

— Откуда же они идут?

ВОПРОС поставлен не зря: за ним — наметившаяся драматическая ситуация. Далеко не все обитатели новых поселков — переселенцы из «бесперспективных», «тающих» деревень (хотя в том же совхозе «Агротехника» из двенадцати населенных пунктов намечено со временем оставить четыре). Большинство издалека. Откуда? Отовсюду. Семья Валентина Могилы, например, — из Киргизии. А более всего едут из других областей того же Нечерноземья, соседних и дальних. Воробьевы приехали из совхоза «Суворовский» Костромской области.

— Наших тут несколько семей, — говорит Антонина Воробьева, доярка. — Друг за дружкой потянулись. Понятное дело, там и с жильем плохо, и заработки не те, и условия труда, и снабжение...

В одном из совхозов мне довелось быть свидетелем любопытного спора двух хозяйственников среднего звена, местного и «соседа».

— Это хорошо, что вы растете, — с нескрываемой завистью говорил один, пожилой, в брезентовом плаще, — да ведь растете как бы за чужой счет. Сманиваете людей из родных мест. У вас тут лучше становится, а у кого-то — хуже. Коровы стоят не доены, картошку убрать рук не хватает. И не потому, что там люди хуже работают или хуже думают, чем вы, а потому, что вам государство раньше помогло, больше средства выделило... Понимаю, понимаю, что нельзя строить везде сразу, что распылять средства понемногу — значит ничего не сделать. А только, будь моя воля, придумал бы я какой-нибудь хитрый закон, чтобы вас как-то ограничить. Чтобы своими силами поднимались. Из города желающих, пожалуйста, принимайте, а из соседней области, которой потрудней приходится, чем вам, — тут уж, извините, подумать надо...

— Чудак ты, папаша, — возражал другой, помоложе. — Прошло время таких законов. А люди к нам ведь не бездельничать приезжают. Ту же картошку растят, то же молоко добывают. И, между прочим, с большей пользой, чем на старом месте. По мне, где с человека толк больше, там ему и быть надлежит. К чему средства распылять, изо всех сил тянуть хилые хозяйства, куда и дорог-то настоящих нет, и строить их невыгодно, когда то же самое можно получить в другом месте, с меньшими затратами?

Так ничем этот спор и не кончился, так и остался открытым вопрос. Только еще яснее стало: современные, приближенные к городским условия жизни обладают огромной притягательной силой для сельского жителя!

У РЕВНИТЕЛЯ парного молочка от собственной буренки и свежего лучка прямо с грядки есть аргументы посильней, чем чистая лирика. Большой знаток сельского хозяйства омский очеркист Леонид Иванов в своей новой книге «Глубокая борозда» приводит данные по одному из сибирских совхозов: «частный сектор в «Березовском» произвел за прошлый год 45 тысяч центнеров молока, 9 тысяч центнеров мяса и свыше 10 миллионов штук яиц. Иначе говоря, к тому, что совхоз получил от своих ферм, как бы добавлено еще 60 процентов молока и мяса». Писатель сообщает и данные по республике в целом: «частный сектор производит 36 процентов мяса и столько же молока. Мы пока еще не готовы отказаться от такого резерва».

А вот данные по Псковской области, которые мне сообщили в обкоме партии. 1973 год: произведено мяса 129 тысяч тонн, в том числе колхозные, совхозные фермы и госхозы — 78 тысяч. Остальное — более одной трети — частный сектор. Молоко: общее производство — 724 тысячи тонн, колхозы и совхозы — 436.

— Но есть, между прочим, и другие цифры, — сказали мне в обкоме. — Количество коров в частном владении неуклонно сокращается. Еще пять лет назад было порядка 127 тысяч, теперь — 103—105 тысяч. И здесь ни при чем урбанизация деревни, мы не Ленинградская область, у нас этот процесс только-только начинается, построены первые пятиэтажные дома в пригородных совхозах. Тут иные причины, более простые и более сложные одновременно: смена поколений, рост образовательного уровня, рост заработков, а значит, и требований к жизни...

Партийный работник, которому я дал почитать «Глубокую борозду» Леонида Иванова, вернул мне ее на следующий день со словами:

— Дельная книга. Прочел за один раз, не отрываясь. Только в одном не могу согласиться с главным героем очерков Павловым — там, где он развивает свои мысли о частном секторе... Вот оно, это место: «Сейчас-то все частное поголовье содержится как бы между делом... Выходит, эти силы и средства сэкономлены для государства: затрат никаких, а производство мяса и молока идет!» Хорошенькое дело — затрат никаких, а уход за скотиной, что это — не труд? Не затраты?

— Да, — продолжал собеседник, — сегодня мы еще не готовы отказаться от того, что герой «Глубокой борозды» деликатно называет «резервом» и «подспорьем». Было бы ошибкой искусственно форсировать события, как мы пытались однажды сделать в не столь давние годы.

— Кстати, у нас в области, — говорил партработник, — произошел в ту пору поучительный эпизод. Руководители одного колхоза, решившие быть впереди всех, поспешили скупить у колхозников весь частный скот. Сразу столкнулись с трудностями: шутка ли сказать — враз такое пополнение колхозным фермам! Прошло время, стали тем же колхозникам кланяться: выкупайте своих буренок обратно! А те ни в какую: иной жизни отведали. Так что тенденция не вызывает сомнений, и путь у нас один: развивать общественное хозяйство так, чтобы оно в перспективе перекрыло и то, что мы «добираем» сейчас от хозяйства частного. Для того и улучшаем земли, для того и проектируем животноводческие комплексы на промышленной основе. И одновременно — а может быть, даже с опережением — надо строить жилье, улучшать бытовые условия в селе. Речь идет ведь не о том, чтобы в два-три года переселить всех сельских жителей в городские квартиры — в пятиэтажные ли дома, в двухэтажные или в индивидуальные коттеджи. Это процесс десятилетий. Но его направление ясно уже сегодня. Надо думать о быте, иначе мы молодежь в селе не удержим...

— Мне оставалось только согласно кивать головой.

С одним только внутренне не хотелось согласиться: с привычными уже словами: «удержать», «удерживать». Есть в такой постановке вопроса что-то очень обидное и для самих «удерживаемых», и для городов, которые представляются в итоге какими-то Вавилонами, средоточиями соблазна и чуть ли не порока. Ведь и в город люди едут не бездельничать. Чаще всего они пополняют ряды рабочего класса, который мы сами называем «солью земли»! Так что не об «удерживании» надо, наверное, вести речь, а об установлении некоего, что ли, демографического равновесия между городом и деревней.

Что нужно для создания такого положения?

КОГДА-ТО мы думали: все дело — в низких заработках на селе. Заработки выросли, но отток молодежи продолжался.

Потом явилась гипотеза, что решающее слово должна сказать культура: клубы, телевизоры. Многое — хотя и далеко не все — было сделано в этом направлении, но тяготение в город не прекратилось. Более того, телевизионная антенна оказалась палкой о двух концах: видения «сладкой городской жизни», мелькавшие на голубых экранах, только души растравляли.

Последняя по времени, и весьма основательная, точка зрения: решающее значение имеет характер самого труда, степень его соответствия возросшему образовательному уровню молодежи. Не случайно одно из главных направлений работы в сегодняшнем Нечерноземье — «индустриализация» животноводческих комплексов, о которых уже шла речь.

Улучшение бытовых условий, строительство жилых поселков колхозов и совхозов Нечерноземья должны идти параллельно техническому перевооружению хозяйств. А скорее всего, как сказал мой собеседник, — даже с опережающими темпами. Опережающими!

Такой «порядок слагаемых» диктует жизнь.

Юрий НАГИБИН:

«С ДУШОЮ СИЛЬНОЙ, ТОНКОЙ И УПРУГОЙ...»

Уважаемые товарищи!

С большим интересом прочитал я в номере «ЛГ» от 9 октября с. г. письмо читателя В. Серова под заголовком «Кого мы растим?».

Письмо тов. Серова вы сочли уместным включить в круг вопросов «Дискуссионного клуба «ЛГ» и, как мне кажется, поступили правильно, так как и сама тема, и взгляды автора действительно и актуальны, и полемичны, и вряд ли могут быть разрешены одной газетной публикацией. Я в настоящее время не готов еще достаточно четко сформулировать свои мысли по этой проблеме, хотя много размышлял и продолжаю думать на этот счет. Тут скоропалительность суждений неуместна, хотя, уверен, вы получили уже немало читательских откликов.

Но вот о чем я думаю: может быть, сначала предоставить слово человеку достаточно компетентному, житейски опытному, который углубил бы, «сфокусировал» проблемы, наспех очерченные в письме В. Серова? Кто это может быть? Наверное, писатель, которого волнуют проблемы воспитания молодежи. Я лично очень хотел бы услышать мнение Юрия Нагибина. Совсем недавно я с большим удовольствием вновь открыл последнюю книгу Нагибина «Ты будешь жить», вышедшую в этом году в издательстве «Современник». Вся новая работа писателя обращена и молодым душам и к их воспитателям. Не могли бы вы обратиться к Юрию Марковичу с просьбой поделиться своими соображениями по поводу упомянутого письма из Саратова?..

С уважением

С. МАРКУШЕВ

СВЕРДЛОВСК

Вы правы, уважаемый тов. Маркушев: мы получили уже несколько сот откликов читателей на письмо В. Серова «Кого мы растим?». Эта почта сейчас внимательно изучается. В ближайшее время мы надеемся предоставить слово многим нашим читателям. А пока — принимаем Ваше предложение. Мы показали Ваше письмо Ю. Нагибину. Он согласился ответить на вопросы корреспондента «Литературной газеты».

КОРРЕСПОНДЕНТ. Юрий Маркович, читатель В. Серов ставит ряд вопросов воспитания молодежи. Казалось бы, он говорит много правильных вещей. И все же его письмо вызывает настороженность...

Ю. НАГИБИН. «Настороженность» — не совсем то слово. Обратите сначала внимание: В. Серов ведь не пишет: «Кого Я воспитываю». Он употребляет множественное местоимение «МЫ». Он говорит как бы от имени общества в целом. Что ж, это его право. Мы все ощущаем себя частицей общества. Но именно поэтому возникает потребность и даже необходимость спорить с ним. Меня тревожат некоторые рецепты, которые он выписывает собственной дочери и рекомендует другим родителям. Ну, давайте разберемся без предвзятости.

Необходимость воспитания стойкости, твердости, коммунистической убежденности, конечно, не вызывает возражений. Но ведь автор не затем написал письмо, чтобы провозгласить эту бесспорную истину. Суть педагогической концепции В. Серова начинается с того момента, когда он в деталях и подробностях — правда, весьма лаконичных, — излагает, что он понимает под «бойцовским характером», каким ему представляется идеал человека-борца. Обратите прежде всего внимание на ту часть письма В. Серова, где он (с оговоркой, правда) в принципе не возражает против воспитания жестокости в характере сегодняшнего молодого человека. Ему кажется, что без этого качества нет борца. Я был участником Великой Отечественной войны, дружил с героями этой войны, многие из них были моими сверстниками, но ни у кого из них я не замечал проявления этого качества — жестокости! Оно даже на войне не нужно. Беспощадность к врагу — да! Но это совершенно различные категории. Даже в самую трудную пору войны жестокость не только не воспитывалась, а просто не допускалась в советском солдате. И вот советский солдат победил, а солдат, в котором воспитывалась жестокость, потерпел поражение, проиграл войну!

Наше поколение готовили к войне с нацизмом. Война была неизбежна. Но и при том никто не пытался превратить нас в каких-то «волчат», разжечь в нас жестокость. Нас учили на Пушкине, Толстом. В военной затемненной Москве, на крыши домов которой падали бомбы, изготовленные в Руре, Кёльне, не знаю, где еще, в этой нашей Москве 40-х годов в залах консерватории продолжала звучать музыка великих немцев — Баха, Бетховена, других...

КОРРЕСПОНДЕНТ. А вам не показалось, что в письме, о котором мы говорим, есть не один лишь призыв к воспитанию «сильной личности», но больше всего ставится под сомнение правомерность в наше время такого качества, как сентиментальность, — вспомните оценку автором поступка героини Цвейга.

Ю. НАГИБИН. А что такое, собственно, «сентиментализм», который сегодня приобретает кое для кого некий негативный оттенок? «Чувствительность», коль переводить на русский! А чувствительность — это прекрасное качество человека!

КОРРЕСПОНДЕНТ. Именно против отсутствия чувствительности у некоторых людей вы резонно протестуете в рецензии на сборник сценариев Чарли Чаплина.

Ю. НАГИБИН. Рецензия-то о другом...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Но свое отношение к фильмам Чаплина вы там высказали предельно ясно: да, многие ленты Чаплина сентиментальны, может быть, даже слащавы, вызывают слезы умиления. Но Чаплин остается Чаплином для людей уже не одного поколения, и молодежи в том числе.

Ю. НАГИБИН. И вправду: что может быть во всем этом «негативного», спрашивается? Слезы? Слезы Чаплина? Они очищают душу, свидетельствуют о величайшем благородстве. И при всем том, заметьте, эти чаплинские «сентиментальные слезы» не помешали ему создать в нужный момент такую беспощадную ленту, как «Великий диктатор», где актер и режиссер выступил мощным трибуном, обвинителем гитлеризма, фашизма. «Слезы» не помешали Чаплину всю долгую жизнь быть мужественным борцом за мир, за прогресс. Впрочем, почему я все время говорю: «Слезы не помешали»? Слезы помогли! Слезы Чаплина — печаль, умиление и радость, и боль века.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Другими словами, вы хотите сказать, что твердые идейные устои могут быть и у людей мягких, чувствительных.

Ю. НАГИБИН. Ну, это же аксиома. Я хочу сказать, что и мягкие, чувствительные люди могут быть стойкими и мужественными борцами. Автор письма в редакцию — думаю, невольно — путает мягкость, доброту, чувствительность со слабоволием, а это совсем не одно и то же. Для него же сильная воля, «бойцовский характер» и мягкость, доброта, чувствительность несовместимы. И, боюсь, не один В. Серов думает так. А сегодня, как никогда, в этом сложном, меняющемся мире нам необходим человек не одналинейный, не однозначный, а гармонически развитый, сочетающий твердые идейные и моральные устои с гибкой, чуткой душой. Быть может, даже более подвижной и гибкой, чем требовалось ранее!

КОРРЕСПОНДЕНТ. Мы к этому пункту, может быть, еще вернемся. Давайте коснемся того позитивного, что есть в письме В. Серова. Все-таки он прав, отмечая инфантилизм некоторой части молодежи — хлюпиков, слабовольных.

Ю. НАГИБИН. И прав, и неправ.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Я как-то листал подшивки журнала «СССР на стройке» и смотрел на фотографии молодых ребят и девушек, строивших Магнитку, Днепрогэс.

Ю. НАГИБИН. И Московское метро, наверное, да?

КОРРЕСПОНДЕНТ. И Московское метро. А вот буквально на днях я смотрел не фотографии уже, а кинохронику, снятую на строительстве Байкало-Амурской магистрали. Как похожа и непохожа вместе с тем юность 20—30-х годов и сегодняшнего дня! Брезентовые робы, видавшие виды ватники на ребятах с Магнитки — и модные рубашки, элегантные куртки бамовцев. Но и здесь, и там — веселые, открытые, счастливые лица.

Ю. НАГИБИН. Ребята в брезентовых робах построили Магнитку и Сталинградский тракторный, а парни в модных рубашках, уверен, проложат Байкало-Амурскую магистраль. Их много, этих парней и девчат, масса молодежи двинулась на БАМ, причем двинулась, расставшись с известным комфортом нынешней жизни. От парней 30-х годов такой жертвы не требовалось. Просто не было комфорта, с которым приходилось бы расставаться. Так что нечего, по-моему, пугаться столь панически, когда ребенок говорит: «Мама, купи! Папа, дай!» — что, дескать, это свидетельствует о растущем поколении хлюпиков и эгоистов. Это не серьезно, не глубоко. Почти всем детям свойственны «хватательные» движения: «купи, дай», а потом этот ребенок может стать или не стать, но уже совсем по иным причинам, прекрасным человеком и достойно перенесет все испытания жизни. Так что этого не следует бояться. И не надо вечно оглядываться назад: мы, мол, не были такими, нас растили на картошке. Наша молодежь очень хорошая, хотя она и не щеголяет в парусиновых тапочках, как мы, и не питается картошкой в мундире. Сегодня почти каждый ребенок, подросток имеет свой велосипед, а молодые люди, едва начинающие самостоятельную жизнь, мечтают о собственном автомобиле. И я не вижу в том ничего «антисоциального».

КОРРЕСПОНДЕНТ. Но все-таки воспитывать самоотверженность в палатках легче, чем в индивидуальных «Жигулях»...

Ю. НАГИБИН. Это уже другой вопрос. Если воспитывать стало труднее или сложней, то это вовсе не значит, что воспитуемые стали хуже...

КОРРЕСПОНДЕНТ. И все-таки мы никуда не уходим от тезиса, что без преодоления трудностей нет полноценного [illegible]. Вот вы [illegible]орите о [illegible]АМ уже [illegible] Магнитка, но все равно — символ преодоления трудностей. Но ведь когда-то же этому будет конец. Историей стали Магнитка и целина, придет время — в музеях отведут стенды для экспозиций строительства БАМа. Обживут Сибирь, тундру. Дальше что?

Ю. НАГИБИН. Я хоть и не Станислав Лем, но почему-то уверен, что без трудностей молодежь не останется. Начнется эра покорения Вселенной, люди полетят к какой-нибудь «Туманности Андромеды», полетят уже не по страницам романа Ефремова, а в звездолете. Кто-то попытается проникнуть в антимир. Словом, трудностей хватит, по-моему, на всех желающих. Здесь я дефицита не предвижу.

Я хочу быть правильно понятым: не следует, конечно, растить ребенка в тепличной атмосфере — здесь у меня с автором письма разногласий нет. Я — против примитивного и опасного толкования характера борца. У В. Серова почему-то все свелось к мускулатуре, к зарабатыванию синяков в кулачных боях. Кто застрахован от того, что в итоге серовского воспитания мы приобретем не борца, а еще одного «бойцового» (термин Лескова) человека? «Бойцовые» же люди — это люди, которым всегда тесно, которым не хватает каких-то необходимых, по их мнению, жизненных благ, для достижения которых они «работают локтями», отталкивают впереди стоящего, борются за «существование» с энергией, достойной лучшего применения. Надо ведь знать не только средства, а еще и цели. Надо знать вообще очень многое. Раскольников, к примеру, даже думал, что преступив — один раз в жизни! — простой человеческий закон, он использует недозволенные средства для целей возвышенных, для блага людей. В результате — никакого «блага», а преступление, и прежде всего против самого себя, души своей. В результате — распад личности. Личности далеко не ординарной. Вот вам и «бойцовский» характер с демагогическим флером «для блага людей».

КОРРЕСПОНДЕНТ. Но я — да и вы, наверное, — далек от мысли, что автор письма, которое мы обсуждаем, сознательно задался целью вырастить из своего ребенка Раскольникова женского рода. Совершенно очевидно, что Серов хочет прямо противоположного.

Ю. НАГИБИН. Я не встречал еще в жизни ни одной семьи, которая сознательно поставила бы перед собой цель воспитать преступника. И наш корреспондент не исключение из этого правила, естественно. Конечно, не Раскольникова в юбке жаждет он воспитать в своей дочери. Скорее, он хочет вырастить из нее, ну, скажем, Жанну д'Арк. В идеале. А на практике что у него получается? Девочка, которая не щадит окружающих, изумляет знакомых своей неделикатностью, чрезвычайной бойкостью, резкостью и тому подобными непривлекательными, на мой взгляд, свойствами характера. Возможно, я выскажу спорную мысль, но Жанну д'Арк создают не целеустремленные папаши в педагогическом экстазе, а эпохи и народы. А задача рядового папаши скромнее — вырастить порядочного человека. Тогда общество из него, возможно, сделает героя. На том же БАМе, скажем.

И наивно думать, что если молодой человек или девушка прочтет «Овод» — хотя, конечно, мимо этой книги не имеет права пройти ни один человек, — то из него непременно уже вырастет герой Этель Войнич. А вот в том, что из человека, которого не трогают драмы героев того же Стефана Цвейга, ничего путного не получится, — в этом я убежден абсолютно. Давайте уж тогда зачеркнем вообще почти всю мировую литературу, Шекспира, например. Ведь что с собой совершила та же Офелия — просто сказать страшно! Но говорить по этому поводу «дура» и всякие другие подобные слова — это безнравственно. Надо все-таки сохранять какую-то почтительность и чужой тайне и к чужой трагедии, не относиться к ней с лихостью этакого рубаки. А ведь автор письма — «бывший поэт и будущий прозаик», — так он пишет. Признаться, я всегда полагал — писатель творится из более мягкого материала, какие бы твердые идеи он ни отстаивал. Не случайно же Маркс был великим гуманистом.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Да, Марксу же принадлежит мысль о том, что самым большим богатством человека является другой человек. В этой связи мне вспоминается интервью, которое дал Ю. Трифонов журналу «Вопросы литературы». Говоря о романе «Нетерпение», он, между прочим, сказал: обстоятельства сложились таким образом, что главная роль в исполнении приговора народовольцев Александру II выпала на долю Софьи Перовской. О высочайшей преданности Перовской идее революции говорить излишне. Но — любопытное замечание Ю. Трифонова, — помимо идеи, действиями Перовской руководила и самая что ни на есть земная любовь. Любовь к арестованному в тот момент Андрею Желябову. Перовская страстно желала закончить ЕГО дело, соединиться с ним где угодно: на свободе, в тюрьме, на плахе! И Перовская «махнула платком»...

Ю. НАГИБИН. Чрезвычайно любопытное заключение, которое я готов разделить. Пример этот еще раз подчеркивает: чем активнее развит у человека мир личных чувств, тем смелее и решительнее он в борьбе со злом, с тем, что ему ненавистно. Я вообще считаю, что способность любить, жертвовать, дружить, способность к истинной доброте — вообще все эти качества могут в определенных ситуациях содействовать проявлению таких свойств человеческой натуры, о которых, весьма вероятно, ранее сам человек в себе и не предполагал. Я могу, положив руку на сердце, подтвердить, как в годы войны этакие обычные, «не приспособленные» к солдатской скатке мальчики, любившие голубей, собак, «бесхозных» котов и прочее, — как эти мальчики, читавшие по ночам и на уроках Багрицкого и Блока, эти «маменькины сынки», попав на фронт, становились отважными солдатами, героями, чьи имена узнавала вся страна. Да, они были преданы идее. Они ненавидели фашизм, а как же иначе?! Но плюс ко всему тому они — мальчики 1941 года — были воспитаны в любви к Родине и к людям, к живым людям. Они умели страдать и плакать. Они не были фанатиками! И поэтому они победили — да, и поэтому!

КОРРЕСПОНДЕНТ. Вот мы и вернулись к началу разговора...

Ю. НАГИБИН. Да, они победили, как победил за много столетий до них великий гуманист Джордано Бруно, сожженный на костре святой инквизиции. Для чего я вдаюсь в подобные исторические параллели? Лишь с одной целью: во все времена и эпохи существовали и существуют типы людей, одни из которых знали, что такое боль, любовь, страдание, нежность, и именно эти люди как раз во имя высоких идей могли пойти и шли до конца. Другие же искусственно или органически — в данном случае это безразлично — надевали шоры, не желая видеть ничего, кроме избранного предмета, и, как правило, даже «идя до конца», не добивались того, к чему стремились. Преданность идее ничего общего не имеет с узколобым фанатизмом.

Никто не будет спорить, и я в том числе, что растить людей стойкими, мужественными, смелыми необходимо. К этому все и всегда стремились. Ни один век не ставил перед собой задачи противоположной. Это был бы абсурд. Но одно дело — «кого» и совсем другое — «как» растить таких людей. Способ, предлагаемый автором письма из Саратова, на мой взгляд, может привести лишь к результатам, о которых я уже говорил.

Меня могут упрекнуть в отсутствии конструктивных соображений по обсуждаемому вопросу... Что ж, я действительно не Сухомлинский, хотя и он, я уверен, воздержался бы от категорических, скоропалительных, во всяком случае, выводов. Но, как все люди, наверное, я думал об этом, довольно много писал для детей и о детях, и вот с таких чисто человеческих и писательских позиций нимало не сомневаюсь в одном: наше общество, как ни одно другое, наверное, требует воспитания личности многогранной, гармонически развитой, с душою сильной, тонкой и упругой одновременно.

КОРРЕСПОНДЕНТ. А вы могли бы назвать человека, отвечающего полностью вашему идеалу?

Ю. НАГИБИН. Многих. И среди них — поэта. Он познал все страсти мира, для него не было недоступных тем в искусстве, он жил «с веком наравне», он был борцом, он видел то, что было скрыто от глаз даже самых выдающихся умов эпохи; прошлое, настоящее, будущее, слабости и добродетели — ничто не было чуждо ему...

КОРРЕСПОНДЕНТ. И его звали?..

Ю. НАГИБИН. Пушкин. Александр Сергеевич.

Беседу вел
А. КОСТЕНЕЦКИЙ

РАЗГОВОР С СЫНОМ

Фото Л. УСТИНОВА

ЧИТАТЕЛИ ПРОДОЛЖАЮТ РАЗГОВОР

СБЕРЕЧЬ ДЛЯ ПОТОМКОВ

Взволнованными письмами откликнулись наши читатели на статью писателя Льва Успенского «Сберечь для потомков» («ЛГ», № 33, 1974). Никто не выразил несогласия с автором. Все единодушны в том, что в памяти наших соотечественников хранится важная информация и она должна быть сохранена для потомства. Но как ее сберечь? Кто должен создать «хранилища народной памяти»? Кому стать во главе этого дела? Имеется ли уже конкретный опыт, на который можно было бы опереться?

Этому деловому аспекту проблемы и посвящено большинство откликов.

Ниже мы публикуем выдержки из писем читателей.

СБЕРЕЧЬ: НО КАК?

Важность мемуарного жанра — вне сомнений. В 1910 году В. И. Ленин призывал участников исторических событий писать воспоминания, делиться опытом пережитого. В некрологе «Иван Васильевич Бабушкин» он писал: «Мы обращаемся с просьбой к товарищам рабочим собирать и присылать нам воспоминания о тогдашней борьбе и дополнительные сведения о Бабушкине, а также о других социал-демократических рабочих, павших в восстании 1905 г.».

Вслед за Владимиром Ильичем Лениным многие ветераны революционного движения, историки и писатели повторяли этот призыв. Одним из аргументированных и блестящих по форме подобных обращений является и недавняя статья Льва Успенского «Сберечь для потомков». С ней, однако, хочется поспорить по отдельным моментам. Не думает ли писатель всерьез, что поставленная им задача по плечу домам культуры и клубам, а тем более ЖЭКам?

Сейчас мемуарами занимаются все издательства — и никто в отдельности. Уверен, что специализированное «мемуарное» издательство быстро себя оправдает.

Положение, на мой взгляд, мало изменится, покуда не появится пусть один (для начала) «мемуарный» журнал.

Д. ЭРДЭ

МОСКВА

ГЛАЗАМИ БЫВАЛОГО ЧЕЛОВЕКА

Мне кажется, самые ценные документы — это не воспоминания, которые пишутся о прошлом годы спустя, а дневники, где записи сделаны по ходу события. В Уральске я знаю бывшего политрука роты, который вел дневник. Это несколько томов, исписанных убористым почерком.

Дневники людей, которых уже нет в живых, хранятся в их семьях как реликвии.

Живет в Уральске один ветеран милиции, который вел записки на протяжении всей своей службы. Это Борис Николаевич Калистратов. Его записками не раз пользовались журналисты. А уж какой он рассказчик! Заслушаешься. Разве не следовало бы кому-то записывать такие красочные устные истории бывалых людей? Все это будет бесценным подспорьем для историков.

Б. ПЫШКИН,
сотрудник областной газеты «Приуралье»

УРАЛЬСК

ХРАНИЛИЩЕ МЕМУАРОВ

Кто-то должен возглавить работу по сбору и хранению мемуаров, организовать тот поток материалов, о котором мечтает Л. Успенский.

Конечно, наивно было бы думать, что все собранные материалы могут быть опубликованы. Задача — в сохранении.

Ю. МИЛЕНУШКИН

МОСКВА

ПИСЬМА С ФРОНТА

Не стоит ли позаимствовать опыт центров научно-технической информации, занятых **«депонированием»** статей, рукописей и материалов конференций? Рукописи легко скопировать на множительном аппарате. Почему бы не создать по такому образцу хранилище дневников и мемуаров?

Хотелось бы, чтобы в этом хранилище нашлось место еще для одного вида человеческих документов. Я имею в виду письма с войны. Несколько лет назад я с помощью начальника политотдела облвоенкомата А. П. Зубкова попытался собрать письма фронтовиков — жителей Черкасщины, не вернувшихся с поля битвы. Результаты поиска взволновали меня. Эти письма (а их оказалось, увы, немало) с потрясающей силой передавали все оттенки жизни тех лет.

Будем честны перед памятью людей — авторов таких писем. Именно сейчас, накануне 30-летия великой Победы, стоит проявить самое пристальное внимание к солдатским письмам и дневникам.

Какую волнующую книгу можно издать, собрав несколько наиболее характерных фронтовых писем в каждой республике, крае, округе, области!

Л. ХМЕЛЬКОВСКИЙ,
сотрудник Института технико-экономических исследований

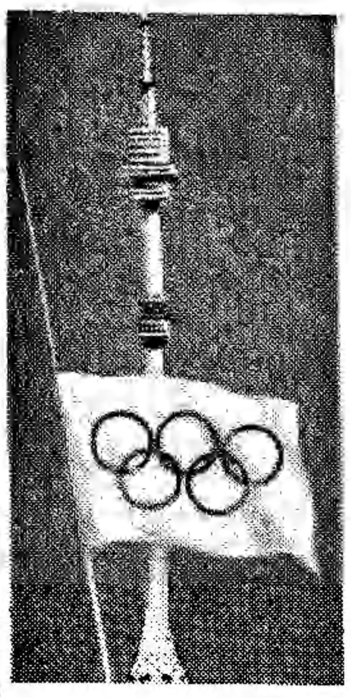
ЧЕРКАССЫ

МЕСТО ВСТРЕЧИ МОСКВА ВРЕМЯ ВСТРЕЧИ 1980

Всего две недели назад Москва была избрана столицей Олимпиады-80. Еще не улеглось радостное волнение, еще идут широким потоком поздравительные телеграммы, а у Москвы, как у настоящего радушного хозяина, уже появились почетные заботы и приятные хлопоты. Сегодня — первые отклики на это событие. Писатель Александр Кикнадзе в своих заметках делится с читателями мыслями об олимпийском движении, анализирует значимость спорта для жизни нынешних и грядущих поколений. Репортаж спортивного журналиста С. Близнюка документально воссоздает картину последних заседаний Международного олимпийского комитета, где определялась столица XXII игр. Эта объективная хроника убедительно свидетельствует, скопь велико уважение к СССР в мире, уважение к стране, признанной сегодня самой достойной для проведения новой Олимпиады.

Александр
КИКНАДЗЕ

ЗАКОН БОЛЬШИХ ИГР



ЧЕРЕЗ несколько минут после того, как Москва была провозглашена местом проведения Олимпийских игр 1980 года, мне позвонил корреспондент газеты «Токио симбун» господин Комото:

— Поздравляю, большая радость! Пожалуйста, несколько вопросов. Можно? Считаете ли вы, что это будет такая Олимпиада — и по размаху, и по организации, — какой еще не было? Что вы думаете об Олимпиадах как о средстве выявления человеческих возможностей? Считаете ли вы, что к той поре, к восьмидесятому году, люди научатся быстрее бегать и плавать, выше прыгать и поднимать бóльшие веса?.. Если да, для чего им это надо?

ЧТО ВЫ меня спрашиваете о таких вещах, Комото-сан? Вспомните дни, когда мы с вами познакомились, вспомните Олимпиаду в Токио. Как мало, оказывается, мог тогда, десять лет назад, человек! Чему, каким результатам мы всесветно радовались?

Да, да, я прекрасно понимаю, и тогда победителями были спортсмены милостью божьей, люди сверхталантливые и сверхтрудолюбивые, и их имена будут до скончания дней на спортивных скрижалях... Но рекорды, их рекорды, казавшиеся фантастическими, уже побиты, как будут побиты завтра еще более грандиозные достижения.

Где же предел человеческих возможностей? Как использовать эти дремлющие в нас физические резервы? Олимпийские игры помогают человеку в этом познании себя. Здесь каждый видит, на что он способен, здесь разработана сложнейшая и вместе с тем доступная любому система подсчета силы, ловкости, мастерства.

И вовсе не зря называем мы спорт моделью жизни с ее взлетами и падениями, находками и утратами, победами и поражениями. Быть может, и не одинаковы ставки в спорте и в жизни (хотя как когда), но психологические реакции человека идентичны.

Разве спорт не показывает нам сегодня, каким будет человек завтрашнего дня, какие нагрузки будут ему по плечу, разве не помогает он нам представить облик покорителя далеких миров?.. Ошибемся ли мы, если скажем, что тот не такой уж далекий наш потомок возьмет что-то от самого быстрого в мире бегуна Валерия Борзова и самого сильного в мире штангиста Василия Алексеева и самого мудрого из всех известных мне тренеров Анатолия Тарасова, идеям и делам которого еще долго жить на ледяных полях, где скрещиваются клюшки и характеры, где возносится духом и печалится, где веселит и обнадеживает сердца великий питомец двадцатого века — хоккей!

И когда на помосте Василий Алексеев поднимает свои рекордные килограммы, он как бы говорит: «Смотрите, смотрите все! Нет пределов возможностям человека! Огромны физические резервы нашего организма! Учитесь их использовать, брать от природы все возможное!»

И когда, опережая всех именитых соперников, Валерий Борзов рвет ленточку олимпийского финиша, он тоже учит нас. Учит побеждать, учит преодолевать неудачи, учит верить в свои силы.

Нет, спорт не просто модель каких-то жизненных ситуаций, он не замкнут сам на себя, не ограничен габаритами спортивной арены. Живая нить связывает его с людьми, и он созвучен мыслям и волнениям каждого.

Спорт как модель жизни... Этой весной я познакомился в Ленинграде с работами кандидата педагогических наук Валентины Ивановны Шапошниковой, заместителя директора Научно-исследовательского института физической культуры. Много лет назад бывшая разведчица артполка (орден Славы, медаль «За боевые заслуги») ступила на мирную тропу — повела поиск в науке. Ее цель — найти закономерности «проявления высших физических возможностей человека». В. И. Шапошникова убеждена, что наступление «хороших дней» в нашей жизни, когда удаются спортивные, и не только спортивные, дела, подчинено определенной закономерности. Валентина Шапошникова проанализировала более семи тысяч результатов, показанных выдающимися спортсменами мира в 1969 и 1973 годах. Среди прочих данных есть специальная графа — «прогнозы». Они сбываются порой самым неожиданным образом. Это В. И. Шапошникова посоветовала А. Керселяну, тренеру олимпийского чемпиона Виктора Санеева, принять участие в соревнованиях «желательно в первой половине октября 1972 года» (то есть вскоре после Олимпийских игр в Мюнхене, когда результаты олимпийцев обычно резко идут на спад), пообещав ему мировой рекорд в тройном прыжке. Не будет никакого преувеличения сказать, что у нового «сухумского рекорда мира» — 17 м 44 см — есть живущий в Ленинграде соавтор.

Материал, собранный В. И. Шапошниковой, показывает, что у мужчин преимущественно через два года на третий, а у женщин — через год на второй происходит значительное скачкообразное улучшение спортивных результатов, как и вообще улучшение «жизненных показателей». Московские анатомы А. Гладышева и Л. Конча своими исследованиями подтверждают эти выводы.

...РИТУАЛ современных Олимпийских игр освящен десятилетиями. И все же, мне кажется, пришла пора возродить один хороший обычай древних. А обычай этот был таков: когда чествовали олимпионика, герольд объявлял имя его отца.

Двадцатый век этот обычай забыл. Не потому ли, что так часто разгорались на земле войны и так рано уходили из жизни отцы, не успевая поставить детей на ноги? Наконец, наконец вступает в жизнь поколение, имеющее отцов! Пусть знает планета имя человека, который вывел сына на спортивную стезю, помог рано познать мудрости этого мира, одна из которых гласит: всякая более или менее серьезная цель требует превышения тех способностей, которые считает обычными для себя обычный человек.

Как отец буду рад, если мои дети станут людьми спортивными. Знаю, что с каждой новой ступенькой спорт будет давать им что-то новое — новых товарищей, новые силы, новые представления, новое желание достичь чего-то помимо спорта. Не в чемпионских отличиях и привилегиях вижу главное. Спорт одаряет людей яркостью эмоций и интересов, помогает избавиться от инфантильности, почувствовать под собой почву и, что, пожалуй, самое главное, ту ответственность перед обществом, без которой трудно в наше время стать человеком.

Где-то среди нас олимпиец восьмидесятого года. Он, может быть, не приметен сегодня, но он среди нас. Ему, будущему олимпийцу, адресую я книгу, над которой работаю и в которой хочу рассказать о том, что увидел, запомнил и понял, побывав на четырех летних Олимпийских играх и на многих мировых чемпионатах, рассказать об искусстве спортивного противостояния.

Убежден, что новый шестилетний цикл подготовки к играм вовлечет в число по-настоящему заинтересованных и деятельных сподвижников Олимпиады людей самых разных профессий. И, конечно же, писателей! В спорте, в спортивном столкновении ярко раскрываются характеры, в этих столкновениях — неразработанные сюжеты. Не случайно спортивная тема привлекает к себе все более пристальное внимание литераторов. Мы обязаны воспользоваться интересом в стране к Олимпиаде, придать качественно новый характер спортивной пропаганде, сделать ее современной, доступной, убедительной и яркой, чтобы шире разлилось, наполнилось молодыми силами отечественное физкультурное движение.

Вспоминаю слова Льва Кассиля, с которым встречался на Олимпиадах: «Мы иногда сентиментально и ханжески отворачиваемся от естественно присущего молодой душе стремления к самоутверждению... Качества, которыми одаряет спорт в ответ на преданность, вооружают человека физически и духовно, готовят его и для других родов деятельности. Они могут вам пригодиться в творчестве, представляющем не что иное, как вереницу взятых и еще не взятых преград».

...ЭТОТ обычай возник давным-давно, во времена первых Олимпиад: победитель получал право пригубить из драгоценного кубка. С тех пор кубок стал символом спортивной победы. Искуснейшие мастера почитали за честь изготовить приз для олимпионика. Ныне в Москве — целый музей кубков. Находится он под трибунами Центрального стадиона имени В. И. Ленина. Сюда не долетают отзвуки спортивных страстей, здесь тишина, которую принято называть музейной.

Десятки крупнейших призов хранятся в этом музее. Отзвуки страстей и битв — в самих этих удивительных призах. Когда вручали их победителям, сияли улыбки. А что за улыбками? Знаем ли мы, как достигается в наши дни спортивная победа? Помню последний день римской Олимпиады, забег на десять тысяч метров и стадион, стоя приветствовавший Петра Болотникова, только что сорвавшего финишную ленточку. Помню день другой Олимпиады в Мехико, когда на канале Сочимилко отчаянным усилием воли выиграли на финише считанные мгновения два наших гребца — Анатолий Сасс и Александр Тимошинин: они пересекли финишный створ, а потом что-то случилось с гребцами; только люди, знающие толк в гребле, догадывались, что с ними случилось.

Несколько дней назад я встретился с Болотниковым и Тимошининым на спортивном вечере в юношеской библиотеке.

Болотников:

— За свою жизнь, готовясь к соревнованиям и участвуя в них, я пробежал шестьдесят девять тысяч километров. А покрышки для автомашин имеют срок годности сорок тысяч...

Тимошинин:

— Как мы финишировали тогда, в Сочимилко, я помню хорошо. А что было потом, почти до самого награждения — нет. Просто мы заснули, прямо в лодке. Как по команде.

Вот что такое в наши дни спортивная победа. Но разве не ясно, что за каждый из этих многочисленных переходящих кубков с каждым годом будет все острее, все жестче борьба? Значит, искуснее, смелее, упорнее наших самых прославленных чемпионов должен быть тот неведомый пока атлет, который выйдет на старт Олимпиады-80. Значит, и готовить его надо по-новому. Значит, надо по-новому готовить и его тренера... Длинная цепочка непростых, неисследованных и тем более интересных проблем тянется от дня 23 октября 1974 года к августовскому дню 1980 года, когда протрубят всемирный спортивный сбор.

...Ученые провели одно любопытное исследование, стараясь представить, на что будут способны «олимпийские люди» в 1980 году. Они определили, как росли легкоатлетические рекорды «от Мельбурна до Мехико», то есть от Олимпиады 1956 года до Олимпиады 1968 года, а затем, опираясь на проценты прироста, составили таблицу рекордов 1980 года. И получилось, что к той поре кто-то прыгнет в длину на 9 метров 75 сантиметров, кто-то пробежит 100 метров за 9,7 секунды, и кто-то метнет копье на 100 метров.

Не значит ли это, что к той поре человек подойдет к рубежу, «за которым ничего больше нет»? Наивно так думать!

...Не одни только спортивные особенности человека выявляет и закрепляет Олимпиада. Конструкторские, инженерные, архитектурные тоже.

Мне приходилось встречаться с журналистами, которые рассказывали, что когда-то посылали свои отчеты с игр голубиной почтой: телеграф был слишком несовершенен и накладен. Потом на помощь спортивным хроникерам пришел телефон, потом радио, но и этого было мало. Люди хотели быть свидетелями спортивных ристалищ, и они благословили телевидение.

Нетрудно понять, почему приковывает нас к себе спортивное зрелище. Драматизм событий, подлинность страстей, разыгрывающихся на спортивной площадке, не могут не волновать нас, не могут не порождать стремление стать соучастником этих событий.

Голубиная почта, телефон, телеграф, телевидение... Сколько человек увидят нашу Олимпиаду? Инженеры утверждают, что с помощью системы спутников очевидцем ее станет весь мир.

ВЕЛИКАЯ спортивная держава приглашает к себе Олимпиаду. Будет борьба за метры, секунды, килограммы... Но будет и другая, одухотворенная высокими идеями борьба — за мир, за дружбу, за братство на земле.

Новый стимул, новый импульс получают зодчие и строители Москвы. Двадцать вторые игры будут проходить не только в самом дружелюбном и жизнедеятельном, но и в самом красивом, благоустроенном городе мира.

...Один из неписаных олимпийских девизов — «Через соперничество — к сотрудничеству!» — близок по духу всей нашей жизни... Помню, как выдающийся японский спортсмен Инокума, олимпийский чемпион 1964 года по дзю-до, помогал тренеру советских дзюдоистов Владлену Андрееву готовить наших ребят к Олимпиаде в Мюнхене. Помню, как в том же Мюнхене советский тренер по боксу А. Червоненко привел кубинских боксеров к триумфальному финалу, как искренне радовался он за своих питомцев и как не менее искренне горевал, когда советские боксеры проигрывали кубинцам...

Пройдет шесть лет, и новые тысячи спортивных рыцарей — умелых, бесстрашных, самоотверженных — возьмутся доказать, на что способен человек. Посмотрите и удивитесь! И поймите, как прекрасна эта жизнь, стремительно несущаяся по старой земле, как сильны наши сердца, как налиты наши мускулы, как чисты наши взгляды. Люди, посмотрите на нас, спортсменов! Приглядитесь, поучитесь, как надо спорить, состязаться и оставаться при этом друзьями!

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

ПРЕДОЛИМПИЙСКИЕ МГНОВЕНЬЯ

ВСЕ УЖЕ позади — и первые овации, вспыхнувшие в костельной тишине венской ратуши, и охапки телеграмм в номерах членов советской делегации в «Интерконтиненталь», и пресс-конференция в слепящем свете софитов, на которой Москва предстала перед журналистами пяти континентов уже в новом качестве — олимпийской столицы... И бессильное злобствование противников московской Олимпиады — оно тоже осталось там, за крутым поворотом олимпийской истории.

О том, как она делалась, эта история, в Вене с 20 по 24 октября, — мой сегодняшний репортаж.

21 октября. 14 часов. Моника Берлиу, директор канцелярии МОК, проводит первую пресс-конференцию. Сжатые губы, короткие ответы. (На Олимпийском конгрессе в Варне она весьма вольно интерпретировала решения сессии и по собственной инициативе распространяла бюллетени, в которых весьма тенденциозно были подобраны высказывания прессы о Москве. Президент МОК лорд Килланин вынужден был тогда ее публично приструнить.)

22 октября. 12 часов 30 минут. Мэр американского города Лейк-Плэсида Роберт Джеймс Пикок, обычно весьма сдержанный человек, выходит из зала сессии, пританцовывая. Шумную его делегацию окружают репортеры. Только что Лейк-Плэсид, претендующий на проведение зимней Олимпиады 1980 года, сдал свой устный экзамен Международному олимпийскому комитету. Судя по возгласам земляков Пикока — весьма успешно.

22 октября. 13 часов. Непосредственно перед представлением Москвы каким-то непостижимым образом среди членов МОК распространяется свежий номер «Франкфуртер альгемайне» с провокационной заметкой репортера западноберлинской радиостанции РИАС, который пытается бросить тень на международные контакты советских спортсменов. И тут же на стол президенту Килланину кладут телеграмму из Лондона, тоже провокационного по отношению к Москве характера.

Президент спокоен и невозмутимо ведет заседание дальше.

22 октября. 15 часов 30 минут. В зал, где проходит сессия, приглашается наш единственный конкурент — Лос-Анджелес. Высокий, баскетбольного роста мэр Том Брэдли явно нервничает. Он говорит: «Мы решили не делать пышных выставок». И еще: «Мы решили не приглашать к себе для знакомства членов МОК». Какие-то странные намеки. За столами недоуменно переглядываются.

22 октября. 16 часов 30 минут. «Сдают экзамен» председатель исполкома Моссовета В. Ф. Промыслов, председатель Спорткомитета СССР С. П. Павлов, председатель Олимпийского комитета СССР К. А. Андрианов. Два коротких выступления и 15-минутный фильм о спортивной Москве — на весь экзамен отводится 30 минут. Не считая, конечно, вопросов экзаменаторов — руководителей федерации и членов Международного олимпийского комитета. Вопросов было немного. А мнения...

Свен Тофельт, член МОК для Швеции, президент Международного союза современного пятиборья и биатлона:

«Хотя я много раз бывал в Москве и вроде бы все о ней знаю, выступление Владимира Промыслова произвело на меня большое впечатление. Ясные и конкретные гарантии, включая финансовые, что в нашем неустойчивом западном мире особенно впечатляет. Преисполненные собственного достоинства выводы. Уверенность. Все это в стиле Москвы».

Тофельт сказал, что его, как и других присутствующих, приятно поразил тот факт, что советские делегаты «не хотели помнить зла», а именно — события 1970 года, когда на сессии МОК в Амстердаме кандидатура Москвы на проведение Олимпиады-76 была забаллотирована. И не злорадствовали по поводу того, что Монреаль, выигравший тогда у Москвы, до сих пор не может преодолеть трудностей с организацией Олимпийских игр.

Вот что говорил по этому поводу, выступая на сессии МОК, председатель Спорткомитета СССР **С. П. Павлов:**

«...Мы понимаем, что, если ваш выбор падет на Москву, нам предстоит еще многое сделать. Но урок Амстердама, куда мы пришли, правда, имея очень короткую дистанцию для разбега, пошел нам, в общем, на пользу. Мы не затаили обиды. Мы трезво взвесили все. Мы более тщательно потрудились, понимая, что выборы олимпийских городов не аукцион и что к этим выборам нужно прийти, обладая самыми убедительными и серьезными аргументами...»

Во время представления Москвы председательствующий по традиции опросил президентов международных спортивных федераций. Из 21 олимпийской федерации, представленной в зале, 20 высказались положительно об олимпийских возможностях советской столицы. Только мадам Ингер Фрит, представляющая федерацию стрельбы из лука, усомнилась: «Я не знаю, будут ли найдены пригодные места для нашего вида спорта». Ее заявление вызвало лишь улыбки...

23 октября. 9 часов утра. Ярко освещенный зал заполняют члены Международного олимпийского комитета. Некоторых седовласых старцев ведут под руки. Вообще седина господствует за столами, за которыми решаются судьбы мирового спорта.

9 часов 15 минут. Членам МОК раздают бюллетени для голосования — листки, на которых стоит только гриф Международного олимпийского комитета. Сначала каждый сидящий в креслах МОК должен записать город летних Олимпийских игр 1980 года, а затем на другом — столицу Белой Олимпиады-80.

Президент обращается к своим коллегам:

«Уважаемые господа. Прежде чем вы заполните бюллетени, я хочу вам напомнить: сейчас в ваших руках — будущее олимпийского движения. Когда вы будете выбирать место Олимпиады, забудьте обо всем — помните только о будущем олимпизма. Одновременно я прошу вас также вспомнить о том, что сказали вчера вам федерации...»

Члены МОК заполняют листки. Одни молча, другие... Энергичный и весьма резкий в своих суждениях Бертольд Байтц, член МОК для ФРГ, известный промышленник из Эссена, уже давно открыто выступающий за московскую Олимпиаду, видимо, и здесь решает подразнить некоторых консерваторов. Рассуждает вроде бы про себя, но так, чтобы услыхали соседи: «Какой же город написать? Лос-Анджелес? Слишком длинное слово...» И видя, как вытягивается лицо одного из соседей, наклоняется над листком...

23 октября. 9 часов 37 минут. Франц Иозеф II, правящий князь Лихтенштейнский, который подсчитывал голоса, и маркиз Эксетер, заполнявший протокол, торжественно поднимаются на возвышение в центре конференц-зала, передают листок лорду Килланину. Тот медленно подходит к микрофону, надевает очки...

Он называет Москву столицей XXII Олимпийских игр. Слово «Москва» тонет в овациях зала, а посланцы Советской страны в объятиях искренних друзей и доброжелателей.

24 октября. 18 часов. Заключительная пресс-конференция. Полное розовощекое лицо лорда Килланина сияет. Он среди своих бывших коллег-журналистов и позволяет себе перейти на менее официальный тон:

«Мы решили не ущемлять достоинства проигравших, и результаты голосования знают только двое, даже мне неизвестно окончательное распределение голосов: бюллетени плавают в Дунае... Мы знаем лишь избранные столицы».

25 октября. 16 часов 45 минут. Летим в Москву. За несколько минут до посадки нашего «ТУ-154» прошу руководителей советской делегации сказать несколько слов для читателей «Литературной газеты».

С. П. ПАВЛОВ:

«Вена для нас — счастливый город. Вспомнилось, что именно в Вене в 1951 году Олимпийская организация СССР была принята в олимпийское движение — была признана МОК; что в 1959 году в Вене мы были свидетелями успеха нашей спортивной молодежи на Всемирном фестивале молодежи и студентов; что в 1973 году Первая европейская спортивная конференция, состоявшаяся в Вене, укрепила олимпийский авторитет Москвы, помогла сближению точек зрения на укрепление сотрудничества в спорте во имя мира и безопасности на континенте... Каждый город, где утверждается Мир, — счастливый для нас город...»

В. Ф. ПРОМЫСЛОВ:

«Международный олимпийский комитет и международные спортивные федерации по достоинству оценили аргументы Москвы, ее большой вклад в дело укрепления мира и развития олимпийского движения. У нас был достойный, серьезный соперник. Лос-Анджелес — город с богатыми спортивными традициями и возможностями. Хочу заметить, что сразу после объявления итогов выборов мэр Лос-Анджелеса Том Брэдли подошел и тепло поздравил нас с успехом и пожелал укрепления наших олимпийских связей. Мы всегда, как вы знаете, такие международные спортивные контакты развивали и будем укреплять в дальнейшем.

Хочу подчеркнуть — и я это говорил журналистам в Вене, — что подготовка к Олимпиаде-80 органически войдет в планы развития Москвы на ближайшие годы».

С. БЛИЗНЮК

ИЗ СПОРТИВНОЙ ЛЕТОПИСИ

— Античные Олимпиады имели постоянную резиденцию. На протяжении 1168 лет (776 г. до н. э. — 392 г. н. э.) Олимпийские игры Древней Греции устраивались на северо-западе Пелопоннесского полуострова в небольшом городке Олимпии.

— На роль современной Олимпии претендовали Афины. После того как в греческой столице в 1896 году с успехом прошли первые Олимпийские игры нашего времени, их организаторы обратились в Международный олимпийский комитет с предложением сделать Афины постоянным местом олимпийских состязаний. Однако основатель современного олимпийского движения французский педагог и общественный деятель Пьер де Кубертен убедил МОК, что для придания Олимпийским играм подлинно международного характера их надо устраивать в различных странах. Так было положено начало «конкурсам олимпийских столиц».

— 43 города в разные годы приглашали Олимпийские игры, но лишь 17 удостоились чести стать их столицей. Два города — Париж и Лондон — по два раза проводили Олимпийские игры.

— Самое большое количество приглашений — 16 — поступило в МОК, когда решалась судьба Олимпиады 1960 года. Заявки на проведение Олимпийских игр поступили от Афин, Брюсселя, Будапешта, Буэнос-Айреса, Детройта, Лозанны, Лос-Анджелеса, Мехико, Миннеаполиса, Нью-Йорка, Рима, Рио-де-Жанейро, Сан-Франциско, Токио, Филадельфии, Чикаго. МОК остановил свой выбор на итальянской столице.

— В послевоенные годы лишь два города получили право организации игр с первой «попытки» — Мельбурн (Олимпиада 1956 года) и Мюнхен (Олимпиада 1972 года). Мехико для избрания олимпийской столицей-68 пришлось пройти через три конкурса, а Монреаль удостоился чести провести Олимпийские игры 1976 года после того, как безуспешно приглашал игры 1940, 1944, 1956 и 1972 годов.

— Буэнос-Айрес направлял в МОК заявки на организацию игр 1936, 1940, 1956, 1960 и 1968 годов. Однако при голосовании кандидатура аргентинской столицы всякий раз не получала необходимого большинства. Еще неудачнее складывались дела у Детройта. Первый раз он сделал приглашение Олимпиаде в довоенные годы, когда определялся адрес игр 1944 года. После этого Детройт напоминал о себе при выборах олимпийских столиц 1952, 1956, 1960, 1964, 1968 и 1972 годов. Шесть раз подряд! А МОК так и не остановил внимания на его кандидатуре. После этого в списке городов — претендентов на проведение Олимпиады-80 Детройта не оказалось.

— Москва впервые участвовала в конкурсе городов в 1970 году. Тогда на роль организатора Олимпиады претендовали также Лос-Анджелес и Монреаль. Большинство членов МОК проголосовало за Монреаль. В определенной степени их позиция была обусловлена стремлением Международного олимпийского комитета не проводить две Олимпиады подряд на одном континенте. Европа же тогда исчерпала свой «лимит» (игры 1972 года были уже отданы Мюнхену). Прошло четыре года. Кандидатура Москвы снова появилась в списке городов — участников конкурса. На сей раз Олимпиада приняла приглашение Москвы. Советская столица стала семнадцатым городом, удостоенным чести проводить всемирный фестиваль спорта и мира.

В СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА

БОЛГАРИЯ. Юное поколение страны активно участвует в строительстве новой жизни. На снимке: молодые работницы химического комбината в гор. Врац.

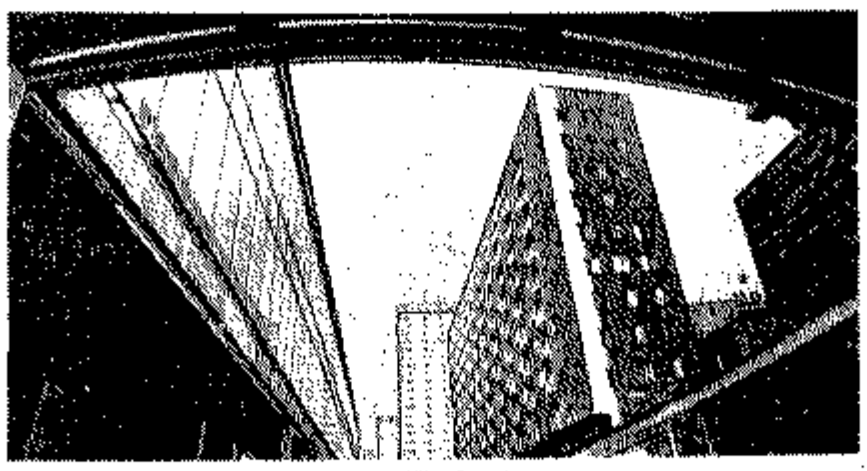
ПОЛЬША. Вновь одним из красивейших городов Европы стала Варшава, восставшая из руин. На снимке: корпуса торгового центра на Маршалковской.

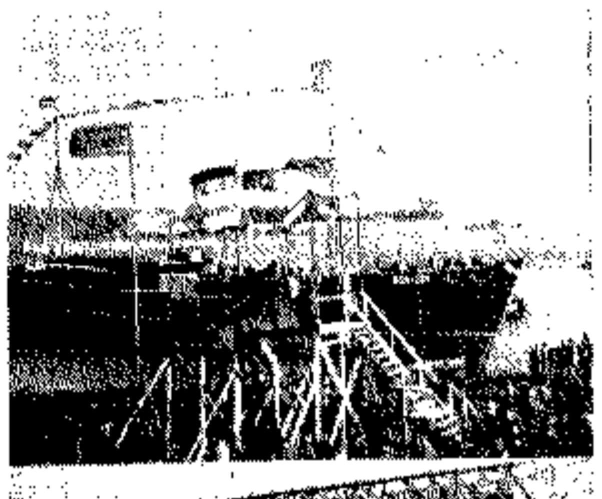
ГДР. На многих морях плавают сейчас корабли, построенные на верфях республики. Ежегодно судостроители поставляют иностранным заказчикам — крупнейший из которых Советский Союз — десятки судов различных типов. О том, какой большой путь прошли кораблестроители ГДР за годы народной власти, свидетельствуют эти два снимка.

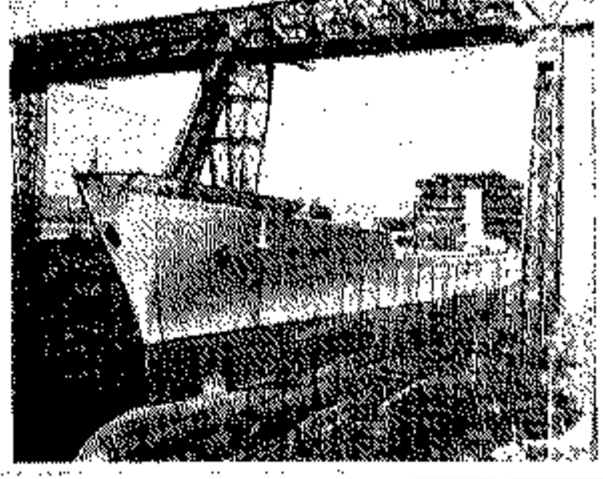
На верхнем — спуск на воду первого морского рыболовного судна ГДР на «Народной верфи» в Штральзунде (1951 год); на нижнем — «Карл Маркс», первый быстроходный морской сухогруз, созданный на крупнейшем предприятии «Варнововерфь» в Варнемюнде с использованием новейших достижений техники.

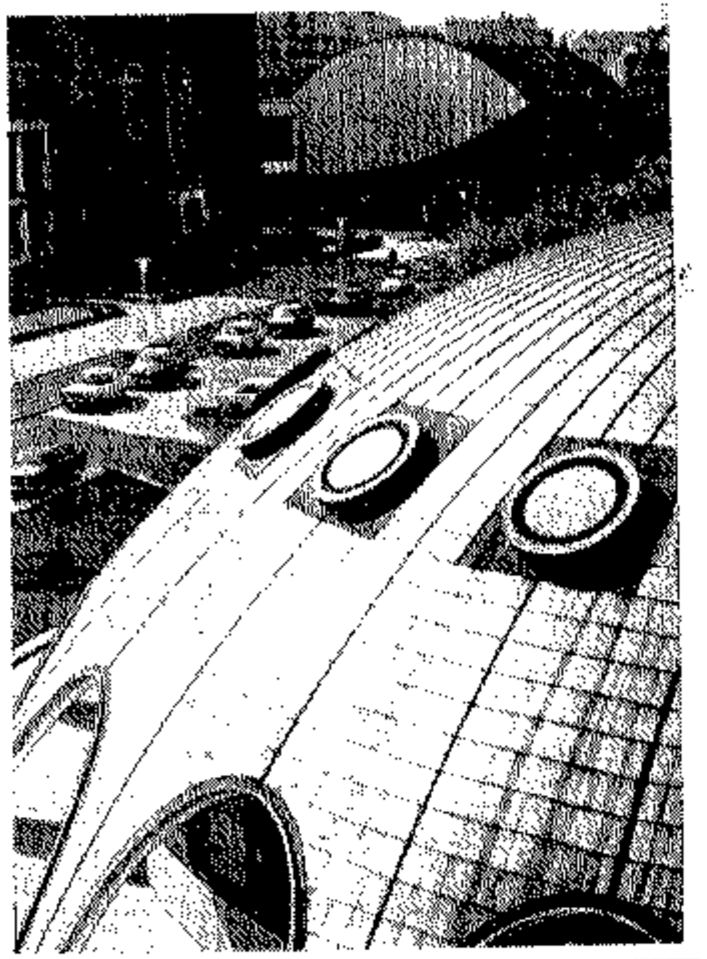
ВЕНГРИЯ. Атомный реактор в Будапештском техническом университете, созданный с помощью советских специалистов.

Фото М. ТРАХМАНА, Л. ШЕРСТЕННИКОВА и ТАСС









ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

КОНТИНЕНТЫ ДВИЖУТСЯ ВЛЕВО

Эрнст ГЕНРИ

7 НОЯБРЯ — день, когда мы не только вспоминаем и подытоживаем, но и всматриваемся в будущее. Много ли сделано? Что впереди? Вопросы эти касаются не только наших внутренних дел.

Мы знаем, что мир непрестанно меняется, год за годом, месяц за месяцем, меняется подчас так стремительно, так внезапно, как еще никогда раньше. Темпы международной жизни удесятерились, история становится все более порывистой и драматичной, точно под поверхностью общества происходят какие-то вулканические сдвиги.

Никто не может сказать, как будет выглядеть мир в сотую годовщину Октября, 7 ноября 2017 года, и заниматься досужим гаданием нет смысла. Но думать о том, чего ожидать в остающиеся годы текущего десятилетия, можно и нужно. В такой дистанции трассы будущего во многих направлениях уже заметны.

ПЛАН «УЛЬТРА» НЕ УДАЛСЯ

Первое, что вправе сказать каждый современник, следя за газетами, слушая радио, размышляя над своими впечатлениями, можно выразить в двух словах: мир левеет. Многое говорит за то, что он будет леветь и завтра. Это главное. В первую очередь это относится к Европе — важнейшему плацдарму международной политики. То, что происходит здесь, по-прежнему имеет и будет иметь огромное значение для всего мира.

Еще вчера казалось, что в Западной Европе идет наступление правых, антисоциалистических сил. Вся эта часть континента уже 25 лет окована цепями НАТО, протянутыми над странами между Атлантическим океаном и Средиземным морем. Для управляемого из-за океана штаба НАТО Западная Европа — не что иное, как огромная атомная цитадель, нацеленная на Восток. Взорвется ли Западная Европа в случае войны или не взорвется, натовских стратегов не очень заботит. Главное для них заключается в том, чтобы при любых условиях сохранить в своих руках военно-политическое господство в этом районе, не теряя в нем ни одной позиции, ни одного звена в цепи. Многие на Западе были уверены, что с течением времени сеть НАТО еще плотнее охватит пространство между Атлантическим океаном и Средиземноморьем, обеспечивая существование агрессивного антисоциалистического блока.

Почти так же туго стала за последние полтора десятка лет обвивать Западную Европу другая капиталистическая сеть — блок «Общего рынка». Хотя непосредственной целью этого блока считается интеграция экономики входящих в него стран, расчеты правых сил в этих странах с самого начала шли гораздо дальше. На базе «Общего рынка» намечалось создание большого нового «наднационального» государства с континентальным размахом, так называемой «объединенной Европы».

Такая держава должна была укрепить международные позиции европейской буржуазии, разрешить ее главные противоречия и утвердить ее власть на многие десятилетия. Мощные монополистические круги год за годом требовали осуществления этого проекта. В последнее время все указывало на то, что усилия, направленные на государственное объединение европейской буржуазии, удваиваются.

Но этим наступление правых на континенте не ограничивалось. В резерве держалась еще одна, «фланговая» операция.

Нельзя забывать, что в начале 70-х годов в Западной Европе, несмотря на уроки второй мировой войны, существовали **три** фашистских государства: Испания, Португалия и Греция. В то же время почти непрерывно предпринимались попытки создать и четвертое: устроить военно-фашистский переворот в Италии. Один «черный» заговор в этой стране следовал за другим. Участие в них, как обнаружилось, принимали не только откровенные фашисты, но и высокопоставленные генералы и чиновники.

Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что и здесь нельзя было говорить о случайностях. Все четыре названных государства прилегают к Средиземному морю или граничат с ним. Западноевропейский фашизм сосредоточивал свои силы и готовился к прыжку в том районе, который в штабе НАТО считается ключевым для всей западной части континента. Простое географическое совпадение? Нет, совпадение политическое.

Дадим на минуту волю своему воображению. Что произошло бы, если бы план «ультра» удался и от Лиссабона и Мадрида до Рима и Афин протянулась единая фашистская цепь, замыкающая Средиземноморье?

Ясно, что это оказало бы воздействие на все соотношение сил в Европе. Военно-фашистский переворот в Италии сразу влил бы свежую кровь в жилы ослабевших реваншистов в Западной Германии, укрепил бы позиции фашистов в Испании, твердолобых антисоветских консерваторов в Англии, реакционеров во Франции и в других западноевропейских странах. Возникла бы новая угроза для арабских государств по ту сторону Средиземного моря. Незамедлительно перешли бы в новое наступление «ястребы» в США. Иначе говоря, обострилась бы вся международная обстановка, открылись бы двери для новой «холодной войны». Мир был бы отброшен назад, к 50-м годам.

Еще вчера авторам таких планов все это казалось вполне возможным. Европейская реакция готовилась к действиям.

Произошло другое.

СИГНАЛЫ ИСТОРИИ

Самое примечательное в событиях в Западной Европе в этом году, может быть, то, что крушение португальского фашизма и катастрофа фашизма греческого произошли почти одновременно. Создавалось впечатление, будто какая-то непреодолимая сила круто повернула руль и перерешила все по-своему.

Удар по фашистам, опоясавшимся по обоим краям Средиземного моря, никем не «синхронизировался» — никем, кроме самой истории. Обстановка в Греции была совершенно иной, чем в Португалии. Греческий фашизм правил семь лет, португальский — сорок восемь. Методы того и другого разнились во многом. Тем не менее события в Лиссабоне и Афинах совпали и во времени, и по смыслу. И в том, и в другом случае верх взяли силы народа.

Это не значит, что фашизм в Западной Европе сходит со сцены. Думать так было бы грубой и опасной ошибкой. Фашизм остается в резерве империализма и в нужный для него момент может быть вновь мобилизован — будь то на юге континента или в других районах, в том числе самых неожиданных. И все же несомненно одно: после того как в конце 60-х годов был отброшен назад неонацизм в Центральной Европе, теперь фашизм утратил свою вторую цитадель, в Средиземноморье: там, где он все последние годы лихорадочно готовился наброситься из-за угла на западноевропейские левые силы.

Остановить продвижение этих сил не удалось; они продолжают сближаться и организовываться. Приход к власти левых правительств в тех или иных странах Западной Европы остается реальной политической возможностью, такой, какой не существовало за все послевоенное время. Вот почему события в Португалии и Греции действительно имеют большое значение для всей международной политики. Переоценить этот сигнал истории трудно.

На улицах Лиссабона. Португальские трудящиеся с энтузиазмом встречают сообщения о дальнейших демократических преобразованиях.

Трудящиеся Пуэрто-Рико решительно выступают за предоставление их стране полной политической и экономической независимости.

Совершенно ясно, что речь идет не только о будущем отдельных буржуазных государств. Удар по средиземноморскому фашизму — в то же время удар по НАТО; едва ли не самый тяжелый удар изнутри по этому блоку со времени выхода Франции из его военной организации. Многое в краткосрочной и еще более в долгосрочной стратегии натовских генералов и адмиралов теперь нарушилось и осложнилось. Выход Греции из военной организации НАТО может к тому же в будущем иметь и дальнейшие последствия. Пример дан. Идея создания «континентальных» антисоциалистических армий в Европе и в других частях света явно ослабевает.

Важно и другое: в первый раз за всю историю Западной Европы со времени социалистической революции в России обнаруживается примечательное явление — полевение части офицерского состава вооруженных сил в **буржуазном** государстве. Не все офицеры и не везде теперь идут вправо. На мой взгляд, союз коммунистов, социалистов и других левых с Движением вооруженных сил в Португалии — такой сигнал, говорящий о глубоких переменах на нашем континенте. Такого еще не было. Создан ли прецедент и здесь?

Разумеется, это не касается аппарата НАТО. Ни для кого не секрет, что натовские генералы и адмиралы, как правило, стояли и стоят на правых позициях. Это специально подобранные, трижды проверенные люди, антикоммунизм для которых — нечто вроде религии и основы всей карьеры. Другого смысла жизни, кроме подготовки третьей мировой войны, у них нет. Пока существует Североатлантический союз, они и впредь будут разрабатывать, совершенствовать, обновлять антисоветские планы, требовать продолжения гонки вооружений, мешать за кулисами разрядке напряженности, поддерживать правые круги в отдельных странах. Тем не менее 1974 год, безусловно, оказывается плохим для НАТО.

Плохим он стал и для экономического объединения европейской буржуазии, на которое она возлагала и возлагает столько надежд. Оказывается, «Общий рынок» после 16 лет своего существования все еще не может свести концы с концами. Сотрясаемый инфляцией, этот экономический блок не ослабляет, а обостряет противоречия между входящими в него государствами. Франция и Греция вышли из военной организации НАТО, Англия может завтра выйти из «Общего рынка», недоволен им ряд других стран.

Нельзя питать иллюзий и в этом случае. Усилия по превращению «Общего рынка» в «наднациональное» государство — державу, охватывающую всю или почти всю Западную Европу, — не прекращаются, влиятельные буржуазные круги по-прежнему ставят на эту карту. Смогут ли они сыграть ее и когда? 1974 год не продвинул их вперед, скорее оттолкнул назад.

Можно упомянуть и о других переменах в этом году в Западной Европе: об укреплении союза левых сил во Франции, возрастающем тяготении масс к созданию такого же союза в Италии и Испании, об усилении левого крыла в лейбористской партии в Англии, растущей тревоге среди населения в разных странах в связи со стремительной инфляцией и безработицей.

При этом выясняется еще одно многозначительное обстоятельство. Мелкая буржуазия в обстановке острого экономического кризиса на этот раз, по-видимому, в большинстве случаев не поворачивает вправо, а ищет других путей, все чаще солидаризируясь с борьбой трудящихся. 70-е годы в этом отношении коренным образом отличаются от 30-х. О чем все это говорит, если смотреть в корень? Динамика событий, происходящих перед нашими глазами, дает ответ.

Европа с 7 ноября 1973 года по 7 ноября 1974 года не поправела, а полевела. Ослабели все три созданные разными буржуазными группами «системы» в этой части света: НАТО, «Общий рынок» и фашизм. Подтверждается, что глубинные силы под поверхностью общества ударяют по тем силам на поверхности, которые мешают его прогрессу.

Несомненно, какие-то непредвиденные события, внезапные осложнения возможны и теперь. Гарантии, что все в Западной Европе пойдет прямолинейно и однозначно, нет и быть не может. История не пишется, как резолюция. Главное все же бросается в глаза: наш континент движется вперед.

ПОСЛЕ СТОЛЕТИЙ МОЛЧАНЬЯ

Когда-то считалось, что такие континенты, как Африка и Азия, политически отстают от Европы, двигаясь гораздо медленнее. Все решалось в Европе и Америке, страны в других частях света, за исключением Японии, голоса не имели. Сейчас такого положения уже быть не может. Удельный вес Азии и Африки в делах международной политики неизмеримо увеличился. От того, что происходит там, могут зависеть судьбы всего мира.

Можно ли утверждать, что Африка, материк с населением в 350 миллионов человек, сегодня такая же, какой была хотя бы год назад?

Никто не решится на такое утверждение. Все указывает на то, что и здесь произошел важный шаг вперед, последствия которого должны дать себя знать.

Дело не просто в процессе освобождения трех бывших португальских колоний и в крушении феодальной монархии в Эфиопии. Уже одни такие события, происшедшие за один год, могли бы считаться исторической сенсацией. Тем не менее — если говорить о Черной Африке — это только начало нового этапа. Следующий шаг — еще более активное участие ее освободившихся народов в большой международной политике. Назад они не пойдут.

Столетиями Черная Африка как будто молчала. Ее грабили и унижали, но ее люди были беззащитны. Теперь она говорит во весь голос, и так будет и впредь.

Если оставить в стороне сравнительно небольшие испанские владения, то в настоящее время освобождена от колонизаторов вся территория Африки за одним важным исключением: юга этого континента, располагающего огромными природными богатствами. Южная часть насильно оторвана от остального материка. Здесь четыре миллиона белых колонизаторов в ЮАР и во все еще оккупируемой ЮАР Намибии и 250 тысяч белых в Родезии лишают 21 миллион африканцев территории, вдвое превосходящей по размерам Францию, ФРГ, Англию и Австрию, вместе взятые. Может ли такое положение бесконечно продолжаться? Это исключено. Думать так могут только политически слепые люди.

До 1974 года крупные независимые африканские государства не имели прямой границы с ЮАР — оплотом империализма. Вслед за окончательным освобождением Мозамбика и Анголы такая граница будет. Соотношение сил в Африке резко меняется. Это еще один грозный удар по позициям мировой реакции.

Нет нужды подчеркивать, что реакция эта ничего не выиграла и от последней арабо-израильской войны на Ближнем Востоке. Попытка раздуть этот конфликт в новую международную «холодную войну», как этого желали правые круги на Западе, не удалась. Есть основания думать, что такие попытки не прекратятся. Так или иначе, шансы империалистических сил и на этом огнеопасном участке, граничащем с Средиземноморьем, не улучшились.

Левеет ли Азия? Ответить на этот вопрос сегодня, конечно, сложнее, чем на такой же вопрос о других континентах, но в самом главном ответ все же — «да».

Верно, что Китай, занимающий огромное пространство в Азии, в наши дни уже нельзя причислить к левым силам в мировой политике. Хотя маоистская держава и называет себя самым «левым» государством на земном шаре, теперь уже почти для всех за ее рубежами очевидно, что это обман. Китай помогает международной реакции где и как только может, выступает против подлинных левых в Европе, мешает полевению Азии. Спорить об этом больше не приходится. Но значит ли это, что Азия в общем и целом не движется влево? Нет.

Не только маоистский Китай представляет этот континент. На территории Азии расположены четыре социалистических государства (СССР, МНР, ДРВ, КНДР), за прочный мир и безопасность в Азии выступают Индия, Бирма, Бангладеш, Шри Ланка, Афганистан и другие страны. Перевес остается на стороне сил мира. Принадлежность к ним такой огромной страны, как Индия с ее населением почти 600 миллионов человек, значит очень многое. Хотя Пекин и выбивается из сил, чтобы установить свое господство над Юго-Восточной Азией, а потом двинуться и дальше, он по-прежнему далек от своих целей.

Важно и другое: рост влияния левых, оппозиционных партий в Японии. За них голосует уже около половины избирателей.

Обстановка в Азии остается сложной и напряженной, но движение в сторону прогресса очевидно и здесь.

ЗАКОНОМЕРНЫЙ ПРОЦЕСС

Поворачиваемся к американскому континенту. Соединенные Штаты остаются твердыней капитализма. Предугадать, что там произойдет, когда начавшийся экономический кризис развернется во всю силу, трудно. Уже сейчас, однако, ясно другое: американская буржуазия сталкивается с необходимостью проводить более трезвую и реалистическую внешнюю политику, чем когда-либо после войны. Новые советско-американские отношения, развивающиеся на основе принципов мирного сосуществования, — большой исторический вклад в дело мира, за которое с такой силой и последовательностью выступает мировой социализм.

Но, говоря об Америке, нельзя думать только о США. Продолжает бурлить южная часть континента, где на арене выступают уже значительные левые силы. Подтверждается, что остановить революционный и демократический процесс в Латинской Америке невозможно. Контрреволюция в Чили не привела к прекращению этого процесса, а именно таков был главный, сокровенный замысел ее тайных вдохновителей. Превратить Латинскую Америку в царство пиночетов не удается. Терпит провал политика изоляции революционной Кубы.

Борьба на латиноамериканском континенте не утихает. Возможности широкого контрнаступления демократических сил существуют. Это не останется без последствий ни для Северной Америки, ни для Австралии и Океании, ни для всего остального мира.

⁂

Мы попытались окинуть взором настоящее и заглянуть в будущее на мировой сцене. Автор этих строк не принадлежит к числу тех, кто смотрит на все через розовые очки и склонен недооценивать стоящие на пути препятствия. Трудности есть и будут.

Мировая классовая борьба не смягчается. Тяжелый экономический кризис, сотрясающий капиталистический мир, продолжает развертываться. Кризис неминуемо приведет не только к усилению левых, но и к мобилизации правых. Нельзя ни на минуту забывать, что реакционеры в Европе, Америке, Азии и Африке, действующие теперь в сговоре с маоистским Китаем, своих позиций не сдали и так легко не сдадут.

Нет сомнения, что эти круги готовят контратаки. Противники социализма только ждут подходящего момента, чтобы перейти в наступление на тех или иных участках, быть может, даже на всех. Средиземноморье, Азия и Африка остаются огнеопасными районами. Мы знаем, что недооценка сил противника вредна не меньше, чем переоценка.

Мир левеет. Могут спросить: что значит быть левым? Известно, что этим словом в наше время пользуются многие и понимают его по-разному. Для нас оно имеет прежде всего один конкретный смысл.

Быть левым в нашу эпоху значит действенно, целеустремленно выступать против капиталистического гнета, против империализма и фашизма, за социальный прогресс. Называться левым — значит не на словах, а на деле бороться за идею мирного сосуществования, за мир без войн, за победу национально-освободительных движений, за объединение демократических сил в разных странах. Можно было бы привести и ряд других признаков подлинной «левизны». Но достаточно и этого.

Еще важнее другой вопрос. Левеет ли мир стихийно, сам по себе, под воздействием каких-то таинственных, незримых, непознаваемых сил?

Разумеется, нет. Вперед его движут вполне определенные классовые и политические силы. Сдвиг, который мы видим и ощущаем, — это прежде всего результат сознательной политики содружества социалистических стран, настойчивой борьбы Коммунистической партии Советского Союза и ее ленинского ЦК, коммунистических и рабочих партий, сил мира, демократии и социализма во всех странах.

Вот почему процесс этот не случайный и временный, а закономерный и исторически непреодолимый. А это — главное. В день 57-й годовщины Октября можно уверенно сказать: континенты движутся влево.